

Анна Сергеевна Евтихиева — кандидат филологических наук, специализируется в области русского языка и литературы, преподаёт в МГУ имени Ломоносова. Лауреат Международного литературного форума «Золотой Витязь» и премии «Имперская культура». В работе «Два облика Гоголя. Мистические искания автора „Мёртвых душ“ и его влияние на развитие русской литературы в работах авторов русского зарубежья» Анна Евтихиева анализирует суждения писателей и литературоведов, в эмиграции обратившихся к фигуре Гоголя. Некоторые из них говорили о Гоголе — породителе «ночного сознания» русской литературы. «Для одних Гоголь стал „чёртом, выгнанным за что-то из ада“, магом, чьё безблагодатное волшебство стало чёрным, лицемером, взвалившим на себя миссию поучать других, или даже просто душевнобольным, — говорит автор. — Другие видели в нём человека, искренне стремившегося достичь духовной чистоты, пытавшегося бороться со страстями, писателя, как никто другой осознававшего необходимость воцерковления искусства, пророка православной культуры». С литературоведом Анной Евтихиевой беседовал Сергей Шулаков.

— Анна Сергеевна, вы указываете на мнение Владимира Ильина о том, что Гоголь обладал гипертрофированным чувством зла и область положительных понятий, может быть, была ему недоступна. Как, по-вашему, влияла сама обстановка, в которой работали исследователи-эмигранты, — крах православной империи, личные несчастья — на их мнение о «тёмной стороне» творчества Гоголя?

— Вопрос непростой... Может быть, и не столько из области философии, сколько из нейрофизиологии, в том смысле, что невероятно сложно до конца определить, как именно внешние события влияют на наш мозг, на нервные клетки и насколько объективны мы в своих реакциях и оценках... Да и можно ли вообще здесь говорить о какой бы то ни было объективности, если речь идёт о личных переживаниях?.. Все мы так или иначе находимся под гнётом собственных страданий и сомнений. Думаю, что если человек переживает трагедию, надлом, вряд ли он может отстранённо и непредвзято судить о жизни вообще, а в искусстве,

в литературе особенно, возможно, как раз и ищет каких-то созвучных горестных нот... И в связи с этим мне кажется, что прав Б. Зайцев, восклицавший: «Не было в Гоголе никакого благополучия! Или спасение, или гибель. И надо сказать, ужас гибели непомерно велик». Уже сколько было сказано и написано о том, какими невосполнимыми потерями обернулась для нас революция тысяча девятьсот семнадцатого года, в области культуры особенно; пережить невероятное, непосильное испытание тяжело и страшно человеку вообще, и человеку творческому — писателю, философу — насколько мучительно видеть и понимать, что всё, сделанное тобою и веками до тебя, вдруг бессмысленно летит в тартарары, оказывается ненужным и даже объявляется вредоносным и опасным. Каково было именно деятелям культуры, убеждённым в том, что культура истинная по сути своей должна быть глубоко созидательна, способствовать укреплению мира и физического, и духовного, а когда на глазах этот мир разрушался... Мы можем только отдалённо представить себе эти «окайные дни», как это было, по книгам, воспоминаниям, а что на самом деле тогда происходило в душе людей, мы можем только догадываться. Да, думаю, что атмосфера определённым образом на восприятие влияла...

— Некоторые из авторов, чьи исследования вы приводите, считают, что не будь Гоголя, русская литература пошла бы по-другому, пушкинскому, праздничному и яркому и при этом, конечно, глубокому, направлению. Вы верите в то, что хватило гениального, но единственного Николая Васильевича Гоголя, чтобы изменить вектор развития такого мощного явления, как русская литература?

— Вот сразу хочется вспомнить слова А. Пушкина о том, что если несчастье — лучшая школа, то счастье — лучший университет. Пушкин — солнце русской поэзии, пусть и трагически закатившееся. Гоголь — совсем иной, и это замечательно: он и ироничен, и по-своему жизнерадостен, красочен, но, я бы сказала, более осознанно трагичен, что ли... Вспомним, как он говорил о том, что если мы и видим что-то забавное, смешное, то стоит задержаться — и смешное сразу обернётся

грустным... Ведь по мере духовной и творческой эволюции всё написанное им как-то всё более и более подходило под определение поэзии, данное И. А. Буниным: «боль крестных ран». Думаю, задача Гоголя, христианская, творческая, была во многом в том, чтобы призвать человека к покаянию, насмешкой ли, прямой проповедью — послы один: остановись, задумайся, осознай, кто ты есть перед Богом, не живи надеждой и иллюзией, что ты примерный христианин, и изменись, пока не пришёл настоящий Ревизор. Собственно, для этого и была задумана такая долгая сценическая пауза в конце комедии. Начнём говорить о праздничности и яркости — через несколько ходов придём к рассуждениям о проблеме положительного образа и идеала в искусстве. Это уже вопрос ко всем писателям и поэтам, да и не только к литературе: почему положительный образ в искусстве так часто такой искусственный, ходульный, сусальный, необидительный, а зло и порок не лишены известного обаяния?.. О чём, кстати, предупреждал Николай Васильевич: страшно не то, что показывают зло, а что его выставляют в привлекательном виде... Конфликт — основа любой драмы, а с положительными персонажами он возможен ли? И не случайно именно трагедия с античных времён считалась жанром высшим, в отличие от комедии. Даже в фольклоре мы видим, что праздник и радость выражаются скорее в танце, а вот грусть-печаль уже рождает песню, воплощается не в движении, а в слове...

Мог ли он один изменить вектор развития русской литературы? Думаю, что здесь будет уместным, как это ни странно, сравнение с научным открытием. Для того, чтобы учёный пришёл к нему, нужна долгая, незаметная и кропотливая работа его соратников... Так вот и творчество Гоголя во многом было подготовлено секулярным восемнадцатым веком, состоянием русского общества и вообще христианского мира в целом. Но всё же для меня именно Гоголь — пожалуй, первый признанный гениальный художник, который столь серьёзно решает вступить на путь нравственного совершенства, так бесстрашно и откровенно заглядывает в бездну собственной души и не боится говорить о своих пороках, начиная с себя, с устройства «внутреннего хозяйства». В связи с этой темой мы чаще вспоминаем Льва Толстого, его исповедальность, самобичевание, откровенность, порой отталкивающую, мучительные поиски себя в Боге и Бога в себе, рассуждения о возможном соответствии евангельских истин и земного пути конкретного человека. Бесконечный мучительный поиск той самой внутренней гармонии духа, которая и есть счастье, как позже определил Ф. М. Достоевский. Так вот, в начале этого пути в русской литературе стоял Гоголь, все творческие и человеческие силы которого были

направлены на то, чтобы его плоть, душа, дух соответствовали тем истинам, которые он проповедовал в художественном слове, и он очень остро, болезненно, с какой-то непосильной, на мой взгляд, ответственностью переживал именно духовную слепоту своих современников; его фраза о том, что дьявол уже без маски вступил в этот мир, — это же отчаянный глас вопиющего в пустыне... Эти призывы и предостережения не были поняты даже близкими по духу людьми, Гоголя обвиняли и в излишнем менторстве, и в высокомерии. До какой степени возможно несоответствие между тем, кто ты есть в морально-нравственном отношении, и тем, что ты пишешь, чему ты учишь, что ты несёшь в мир своим словом?.. Нам хочется разделять художника и его творения, думать, что его произведения не есть отражение личного мира и даже душевного состояния. И действительно, можно ими восхищаться, но, как правило, подробностей житейских лучше не знать, тут заповедь «не сотвори себе кумира» нам в помощь. Хотя есть и другие слова: «По плодам их узнаете их...» Мы зачастую воспринимаем художника «по-ахматовски»: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Так вот, вернувшись к гоголевскому выражению «внутренне хозяйство», скажем, что его задачей было вымести этот сор... На мой взгляд, Гоголь был уверен в том, что если уж писатель ставит перед собой задачу нести в мир истину, высокую правду, призывать человека к преображению и самосовершенствованию, то и сам он, владеющий словом, — а для православного писателя особенно значима евангельская фраза «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», — так вот именно писатель и должен в первую очередь обладать особой духовной крепостью и чистотой, чтобы отстаивать правду, иначе она и не будет услышана. Во многом именно об этом гоголевская повесть «Тарас Бульба»: казаки вроде бы и борются за святые узы товарищества, за Родину, православную веру, но ведь что мешает им побеждать? Их земные страсти, слабость духа и тела: привязанность к вещам, к женщине, к вину и тому подобное. Не в том дело, что идеалы ложные или слишком уж недостижимые, хотя идеал и должен быть таким, а рыцари недостойные... Сознательный отказ Гоголя от писательского дара, сожжение «Мёртвых душ» — это и был, по-моему, выбор другого пути. Слишком много сил уходило на служение искусству, слишком невелика была отдача, люди не слышали и не понимали, а обретая мир в себе, спасая себя, спасаешь и тех, кто вокруг себя... Возможно, именно это и было главной целью Гоголя.

— Как вы указываете, К. Мочульский предполагал, что, не будь Гоголя, в нашей литературе воцарились бы «вечный Майков и бесплодие». Не

представляется ли вам, что лучше вечный Майков и необязательное бесплодие, чем логичное завершение гоголевского вектора — «евангелие» от Толстого, секта имени Льва Николаевича, смущение массового читателя и его последствия? Не хочется ли вам, чтобы литература, хоть и обязанная подтверждать обещание жизни вечной и подталкивать человека к её достижению, ещё и помогала бы жить земной жизнью, могла подержать, позволить глотнуть свежего воздуха?

— Для меня Гоголь и Толстой всё же антагонисты. Путь Толстого — в большей степени борьба, вызов, переименование, даже и богоборчество, сомнение в евангельских истинах; Толстой ощущал себя своеобразным соперником Бога по творчеству, в то время как гоголевская стезя — это смирение, в конечном счёте — осуждение своей морально-пророческой позы, покаяние... Условно говоря, Николай Васильевич пытался вести человека к Богу, а Лев Николаевич увести от Бога к себе... Поэтому соглашусь с Б. Зайцевым, который писал, что «толстовский путь бесповоротно кончен, гоголевский может быть продолжен». А что касается вдохновляющей поддержки литературы — так это бесспорно, угнетать не должна ни в коем случае. Призыв Н. А. Некрасова «сеять разумное, доброе, вечное» относится и к писателям, он уже порядком подзабыт и потому перестал быть банальным, да, собственно, между банальностью и истиной граница довольно размытая, так что можно его и процитировать. И почему-то вспомнился мне шушкинский Егор Прокудин, который так жаждет радости, думает, что заслужил её по праву, нагрешил, искупил, настрадался — и вот теперь «душа просит праздника», а праздника-то нет. И интуитивно он понимает, что ликовать угнетённая душа не может, он пытается начать новую, правильную жизнь, едет к брошенной матери, ему надо сбросить груз грехов, и только тогда, постепенно, душа обретёт покой и будет способна радоваться. В этом смысле гоголевский призыв — это как раз призыв к радости, к гармонии духовной, лёгкости и свободе, к единению с Богом, с миром, но всё это возможно только при условии покаяния и очищения, только так человек и может достичь той радостной свободы, которую и даёт ему вера: свободы от греха, свободы выбора, свободы от необходимости совершать зло, иначе говоря.

— В работе «Пасхальность в поэтике Гоголя» профессор Есаулов объясняет явные противоречия в художественной прозе классика: «Сочетание „римского“ и „славянского“ элементов в именах героев (Хома Брут, Тиберий Горобець) можно истолковать как контаминацию католичества и православия в пределах одной личности»; отражение в зрачках ведьмы позлащённых куполов киевских церквей на рассвете — «скрытое взаимодействие

высших сил... ставшее „открытием“ для персонажа... свидетельствует о качественно новой ступени апостасии». Не чувствовали авторы русского зарубежья, в том числе лица духовного звания, в своей собственной судьбе исполнения гоголевских пророчеств, последствий отступления от Бога, которому ужасался Гоголь: «Всё глухо, могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится в Твоём мире!» — и прочее.

— Мир, как известно, во зле лежит... Революция для многих и была торжеством Антихриста; сбывались, наверное, пророчества не только Гоголя и Достоевского, ведь Гоголь говорил: «Старайтесь больше видеть во мне христианина и человека, чем литератора». Как для христианина, мне кажется, особенно значим был для него завет: «Помни страх смертный — и не согрешишь», — и слова из Екклесиаста: «Веселись, юноша... но помни, что за всё это Господь приведёт тебя на Суд». То, что земные испытания и несчастья посылаются в наказание за грехи человеку, который вроде бы и знает, как правильно жить, но сил в себе не находит, «что хорошего хочет делать — не делает, а что плохого не хочет делать — делает», — так это многим людям понятно в теории и без гоголевских пророчеств. Некий замкнутый круг или своеобразная роковая предопределённость. Сейчас не вспомню, кто из античных авторов восклицал: «Что мне делать, о боги?! Ничему не учатся люди», — да и кто только потом этим словам не вторил. Да, русская эмиграция — во всяком случае, многие её представители, — свои мытарства и лишения и революцию в целом воспринимала как возмездие, кару за грехи, и богоотступничество в том числе... То, что писатель настоящий всегда и пророк, — а как может быть иначе? Мне кажется, человеку, владеющему словом, действительно многое открыто, и он по-особому воспринимает и оценивает мир, безусловно; а Слово вообще самый мощный инструмент воздействия, потому и Господь пришёл к человеку через слово, через жанр литературный — притчу... Не через музыку, не через живопись, не через танец...

— Анна Сергеевна, в своём исследовании вы говорите о том, что связь Булгакова с Гоголем очевидна как в прозе, так и в драматургии: их роднит «... ощущение повседневного присутствия зла, вмешивающегося зримо и незримо в деятельность человека и готовящего его гибель (от Воланда и его шайки — до мистического жильца в Зойкиной квартире)». Не простирается ли влияние Гоголя через Булгакова дальше — или по кругу? — на массовую культуру? Уважаемый шекспировед, профессор МГЛУ, переводчица Марина Литвинова в книгах о Гарри Поттере злого мага Волдеморта назвала Волан-де-Мортом, разве что на Патриарших прудах на скамейке не сидел; то же касается и некоторых других героев Дж. Роулинг...

— Трудно сказать, движение это по кругу или по апокалиптической прямой... Между Гоголем и Булгаковым стоит и Алексей Толстой, его дявольская шайка, граф Калиостро... Опять же, тема древняя, вечная о персонализации зла... тут и де Гевара, и Лесаж, и Гёте... Оно приходит в мир всегда в как минимум интригующем и загадочном облики, иначе бы мы его испугались и уж точно дел с ним иметь не стали. Нечистый вроде как и слышит быстрее, и знает о твоих нуждах, и помогает эффективнее... Опять повторю слова Гоголя о том, что страшно не то, что изображают зло, а что представляют его в привлекательном виде. У Гоголя, в отличие от Булгакова и А. Толстого, обаятельных злодеев не припомню... И всё же и Гоголь, и Булгаков, и А. Толстой — художники и гуманисты величайшие в этом. Их бесы всегда являются человеку не в совсем уж обычном виде, и, скажем так, у них всегда какая-то внешность запоминающаяся, интересная, таинственная, способности паранормальные. Это притягательно, но и настораживает... соответственно и бдительность, чуткость и способность к распознаванию зла обостряется. Как минимум человек начинает подозревать, что здесь что-то нечисто... Но, как правило, в ловушку всё равно попадает. А ведь в обычной жизни самое настоящее и очевидное зло воплощается и без всякого романтического и мистического флёра, обычными людьми, и деяния их очень хотелось бы считать выдумкой и страшной фантазией, но — увы...

— *Недавняя кинотрилогия, разбитая на сериал, — «Гоголь. Начало», «Гоголь. Вий» и «Гоголь. Страшная месть» — Николаю Васильевичу, скорее всего, не понравилась бы. Как, по-вашему, в современных условиях само обращение к Гоголю в пространстве молодёжной массовой культуры хорошо или дурно?*

— Думаю, что никак... По сути, сериал и к Гоголю, и к его произведениям имеет весьма условное отношение — судьба, к сожалению, многих произведений в эпоху так называемого постпостмодерна, когда ничего своего нового и самостоятельно придумать, кажется, невозможно, поэтому чужое искажается до неузнаваемости, — фабула гоголевская переиначена, и от его замысла, идей, сложнейших ассоциаций, — а передать это в кино хотя бы в минимальном приближении — вполне посильная задача для профессионалов, — так вот от всего этого в сериале, на мой взгляд, нет и следа.

С трудом себе представляю, что кто-то из молодых людей после просмотра сериала подумает: дай-ка я почитаю Гоголя... Ведь основные сюжетные ходы раскрыты, интрига разрушена, авторы сериала скорее «спойлернули», в данном случае воспользуюсь молодёжным жаргоном... Узрителя не читавшего сложится впечатление, что он уже имеет об этих повестях представление, в этом

смысле сериал скорее отпугнёт потенциального читателя. Ради интереса спросила у своих студентов, как им этот сериал, получила ответ: «Да ничего, можно один раз посмотреть, только не надо думать, что это имеет отношение к Гоголю». Хорошо может быть только в том смысле, что любое упоминание, даже в отрицательном контексте, лучше, чем замалчивание. Надеюсь, что тех, кто захочет после просмотра всё же почитать Гоголя, ждёт немало удивительных и радостных открытий. Вообще, я бы добавила, что экранизация всегда довольно далека от самого произведения — есть более удачные, есть менее; но ведь двадцатый век убедил нас в том, что значительная часть художественной литературы вообще не нужна... Сейчас попробую пояснить: то, что сводится к сюжету, к фабуле, пусть даже затейливой, что можно без потерь превратить в кино, — вот такие книги зачем читать? Возможно, со мной многие не согласятся, но в тексте мы ищем не только событийную канву, есть ещё художественный образ, авторский стиль, поэтика, его язык, его личность, его замысел, который может быть и глубже, и сложнее, чем режиссёрский, а кино всегда навязывает именно режиссёрское восприятие; литература — искусство слова, кино решает другие задачи и совсем другими методами и приёмами. Так вот в этом смысле Гоголь — литература высшей пробы, любая экранизация его будет вторичной и чтение не заменит.

— *Писатель и литературовед Владислав Отрошенко, много занимавшийся Гоголем, в одном из интервью рассказал мне о поисках выбранного им места из его переписки с властями; Гоголь подал Николаю Первому прошение о выдаче паспорта, такого, чтобы перед этим паспортом «склонялись все народы Европы». «Я подумал: ведь должен быть ответ, ведь канцелярия работала исправно, — рассказал Владислав Отрошенко. — Долго искал, пока не нашёл ответ министра двора Адлерберга. Он пишет в том смысле, что: милостивый государь, император просил уведомить, что таковой паспорт у нас никогда и никому не выдавался. Но чувствуется, что такой документ — теоретически — мог бы быть составлен. Это архетип великого паспорта. Гоголь хотел получить такой паспорт, который мог бы предъявить апостолу Петру». Не кажется ли вам, что Гоголь, в некоторой степени и сам писатель зарубежья, всё же признавал за Россией некую особую роль в мире?*

— Уж в любом случае жить с ощущением величия собственной державы и верой в могущество своего царя куда приятнее, чем наоборот... Вместе с тем хочется мне видеть в такой просьбе гоголевскую иронию и даже некий художественный ход... Ведь Николай Первый сознательно выполнял миссию не просто русского, но именно православного царя, защитника Европы от антихристианских

революционных настроений, поэтому и польский мятеж был подавлен, и в Австро-Венгрии русский корпус отпавлен; и в первую очередь Николай мыслил себя защитником православных братьев... Собственно, из-за попытки вступится за интересы единоверцев в Вифлееме и началась Крымская война. Так что гоголевская формулировка вполне соответствовала державной риторике. А его мысли об особой роли России совпадали с уваровской триадой «Православие. Самодержавие. Народность». Под народностью прежде всего понимались духовные задачи и устремления нации, Россия виделась как преемница и защитница православия во всём мире. В чём видел Гоголь особую миссию русских? И было ли в этом что-то унижительное для других народов? Тут лучше привести цитату, пусть сокращённую, из «Выбранных мест...», где Гоголь писал о том, что русский Третий Рим устоит до Второго пришествия, и вот тогда и будет Светлое Христово Воскресение: «Отчего же одному русскому ещё кажется, что праздник этот празднуется как следует и празднуется так в одной его земле? Мечта ли это? Но зачем же эта мечта не приходит ни к кому другому, кроме русского?.. Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но оживают в духе... Не умрёт из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено самим Христом. Разнесётся звонкими струнами поэтов, разведётся благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — и праздник Светлого Воскресенья воспряднётся как следует прежде у нас, чем у других народов! На чём же основываясь, на каких данных, заключённых в сердца наших, опираясь, можем сказать это? Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь ещё неустроенней и беспорядочней всех их. „Хуже мы всех прочих“ — вот что мы должны всегда говорить о себе. Но есть в нашей природе то, что нам пророчит это. Уже самое неустройство наше нам это пророчит... Что есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа?.. Его слово, что есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратанье людей было у нас родней даже и кровного братства, что ещё нет у нас непримиримой ненависти сословья противу сословья и тех озлобленных партий, какие водятся в Европе... и есть у нас отвлага, никому не сродная, и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, всё позорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев самих себя, как в двенадцатом году, не пожалев имуществ, жгли дома свои и земные достатки, так рванётся у нас всё сбрасывать с себя позорящее и пятнающее

нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды — всё бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия — один человек. Вот на чём основываясь, можно сказать, что праздник Воскресенья Христова воспряднётся прежде у нас, чем у других».

— В этом году проходит одиннадцатый Международный славянский литературный форум «Золотой Витязь». Одна из кинематографических работ Николая Бурляева, возглавляющего форум, — роль графа Толстого в почти мистической драме на биографической основе «Гоголь. Ближайший» Натальи Бондарчук. Вам, как участнику форума, не представляется ли, что текущая литература и даже кино, сделав крюк через русское зарубежье, поворачиваются на путь, предначертанный Гоголем?

— Удивительно, но любой разговор о Гоголе выводит на обсуждение невероятно широких тем и тех самых «проклятых вопросов», а лучше сказать — риторических, на которые конкретно ответить довольно сложно... Как ответить на вопрос о пути русской литературы, которая в лучших своих образцах немыслима вне христианского, православного контекста? Так или иначе, вся она — о человеке, о его нравственном выборе, о его поиске Правды, Истины, поиска Бога. Не тот ли это путь, о котором и говорит сам Николай Васильевич в «Мёртвых душах»: «Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребёнок. Какие искривлённые, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги! Всех других путей шире и роскошнее он, озарённый солнцем и освещённый всю ночь огнями, но мимо его в глухой темноте текли люди. И сколько раз уже наведённые нисходившим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачаясь вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход, где дорога? Видит теперь всё ясно текущее поколение, свихнется заблуждениям, смеётся над неразумием своих предков, не зря, что небесным огнём исчерчена сия летопись, что кричит в ней каждая буква, что отовсюду устремлён пронзительный перст на него же, на него, на текущее поколение; но смеётся текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также потом посмеются потомки»? Если тот, то идти нам всем под путеводной Вифлеемской звездой и не сворачивать...